

УДК 811.81'42

ФЕДОТОВА М.А.

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ ИДИОСТИЛЬ И ИДИОЛЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Работа посвящена изучению понятий «идиостиль» и «идиолект», выяснению их признаков и критериев их разграничения.

Ключевые слова: *идиолект, идиостиль, коммуникативная компетенция, коммуникативное поведение, языковая личность.*

Федотова М.А. До питання розмежування понять ідіостиль та ідіолект мовної особистості. *Робота присвячена вивченню понять „ідіостиль” та „ідіолект” мовної особистості, з’ясуванню їхніх ознак та критеріїв розмежування.*

Ключові слова: *ідіолект, ідіостиль, комунікативна компетенція, комунікативна поведінка, мовна особистість.*

Fedotova M.A. To the issue of the notions idiosstyle and idiolect of lingual personality differentiation. *The paper focuses on the notions “idiosstyle” and “idiolect” of lingual personality, defines their features and the criteria for their differentiation.*

Key words: *communicative competence, communicative behaviour, idiolect idiosstyle, lingual personality.*

Интерес к языковой личности как к отправному пункту, двигателю и центру языкового развития особенно отчетливо проявился во второй половине XX века. Во главу угла ставится языковая личность, т.е. носитель и пользователь языка, исследуется природа, структура и функции индивидуума в процессах концептуализации мира, вербализации последней, неразрывности процессов когниции/отражения картины мира в речезыковой ментальности индивидуума.

Понятие «языковая личность» было введено в широкий научный обиход Ю.Н. Карауловым вместе с ее уровневой моделью (лексикон – тезаурус – прагматикон) [11]. И термин, и концепт оказались востребованными всеми школами – как теми, которые рассматривают ее как «многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей» [17, 117], так и теми, кто видит в ней «закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности» [там же, 120].

В настоящее время возрастает интерес к изучению языковой личности как динамически развивающейся сущности. В предлагаемом исследовании мы, вслед за Ю.Н. Карауловым, придерживаемся мнения, что дефиниция термина *языковая личность* должна отражать понятие личности вообще [21], что учитывается большинством исследователей. Словарь-справочник по психологии дает определение личности как феномена общественного развития, живого человека, обладающего сознанием. Термин обозначает стабильные характеристики или черты человека, определяющие его

мышление и поведение в различных ситуациях. [12, 161]. Соответственно, языковая личность представляет собой «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений» [11, 3]. Языковую личность следует, однако, трактовать «не только как *часть* объемного и многогранного понимания личности в психологии, не как еще один из ракурсов ее изучения наряду, например, с 'юридической', 'экономической', 'этической' и т.п. 'личностью', а как *вид* полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс» [там же, 7].

Иными словами, языковой личностью следует считать личность, владеющую совокупностью дискурсных способностей на уровне всех «фаз интеллектуального акта», а именно планирования речевых и неречевых действий, формирования плана действий в речевой форме, контроля и корректировки (по мере необходимости) речевых действий [15].

Языковое сознание личности воплощается в речевой деятельности, (речевом поведении), т. е. в процессах говорения (письма) и понимания [20]. Речевая деятельность осуществляется индивидуумом и обусловлена его социальной, психологической и физиологической организацией. Речевая деятельность и речевая организация человека тесно взаимосвязаны, но при этом могут быть противопоставлены как явление и сущность [9, 7].

В речевой организации языковой личности можно выделить следующие аспекты:

- языковая способность;
- коммуникативная потребность;
- коммуникативная компетенция;
- языковое сознание;
- речевое поведение.

Языковая способность как органическая возможность научиться вести речевое общение, наряду с коммуникативной потребностью как направленностью на определенного адресата, выступает в качестве предпосылки для возможного овладения языком и осуществления общения, в то время как коммуникативная компетенция, являясь выработанным умением осуществлять общение в различных регистрах для оптимального достижения цели, проявляет себя как языковое сознание в выборе средств общения. Языковая способность представляет собой «механизм, обеспечивающий использование психологических орудий», при этом «процесс использования этих орудий, культурные правила их выбора и ситуативная организация находятся вне собственно языковой способности. Они принадлежат коммуникативной компетенции которая вместе с языковой способностью составляет языковую личность» [19, 223].

Перечисленные нами выше компоненты речевой организации человека неоднородны по своей структуре и степени абстракции. Акт речевого поведения, который, будучи осознанной или неосознанной системой поступков, помогает раскрыть характер и образ жизни человека, является наиболее конкретным. В свою очередь, языковое сознание человека мо-

жет быть охарактеризовано как наиболее абстрактный компонент, выступающий как вербальное «отражение во внутреннем мире внешнего мира» [16, 24], включающий чувства, волю, мышление, память в их неразрывном единстве и по механизму действия единый для всех «*homo loquens*» [1].

Понимание многомерности «человека говорящего» делает возможным получение полноценного представления о личности, обладающей психическими, социальными, аксиологическими, эмотивными, этическими и этническими компонентами в составе ее языка и дискурса. Подходы к ее изучению, в зависимости от конечных целей, исходят из разных отправных точек: от присущих ей специфических концептов и типов дискурса к выявлению общности/индивидуальности отдельных личностей и, наоборот, от характеристик личности к определению дискурсных концептов [10, 6]. Иными словами, анализ дискурса позволяет произвести реконструкцию мировоззрения индивидуума, при этом конкретная специфика последней будет определяться его номинативно-референциальными ресурсами.

Говоря о языковой личности, необходимо остановиться на терминах «речевой паспорт» говорящего и его «идиостиль». «Речевой паспорт – это совокупность тех коммуникативных особенностей личности, которые и делают ее уникальной (или, по меньшей мере, узнаваемой), тогда как идиостиль человека является системой содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих всем создаваемым данной личностью текстам, делающей уникальным воплощенный в этих произведениях способ языкового выражения данной личности. Если терминологически противопоставить идиостиль речевому паспорту, то его можно было бы трактовать как выбор говорящим тех или иных средств общения, поскольку стиль предполагает выбор» [9, 10]. В приведенном определении недостаточно четко, на наш взгляд, проведена оппозиция *возможность* (запас, 'лексикон', в терминологии Ю.Н. Караулова, 'информационный тезаурус', в терминологии А.А. Залевской) vs *реализация возможности* ('прагматикон' Ю.Н. Караулова), ибо речевой паспорт является аспектом коммуникативной *компетенции*, а идиостиль – аспектом коммуникативного *поведения*. Компетенция включает в себя такие понятия как языковое чутье как «систему бессознательных оценок, отображающих системность языка в речи и общественные языковые идеалы» [13, 22], и языковой вкус как систему установок человека в отношении языка и речи на этом языке.

Термин же «идиостиль» может быть соотнесен с термином «идиолект». Различие между ними состоит в следующем:

- под идиолектом понимается «совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка <...>, реализация данного языка в устах индивида <...>, единственная языковая реальность, доступная прямому наблюдению» [22, 171];
- под идиостилем понимается «индивидуальная манера, способ которым исполнены данный речевой акт или произведение, в том числе литературно-художественное <...>, предполагающий индивидуальный отбор и комбинацию языковых средств» [там же, 494].

Термины «идиостиль» и «идиолект» иногда употребляются синонимич-

но, однако чаще определяются исследователями по-разному и, соответственно, попадают в разные ряды соотношений с понятиями языка, текста и языковой личности.

Можно выделить два подхода к рассмотрению соотношения понятий «идиостиль» и «идиолект» – более ранний, связанный с разработками Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, и более поздний, связанный с идеями генеративной грамматики. Последний рассматривает идиостиль и идиолект как соотносящиеся между собой поверхностную и глубинную структуры либо пары «смысл – текст», либо триады «тема – приемы выразительности – текст». Представленное на поверхности множество связанных между собой языковых факторов, составляющих идиолект, уходит функциональными корнями в языковую память и «генетику лингвистического мышления» автора и в результате оказывается сводимым к иерархической системе инвариантов, организующих так называемый поэтический мир автора, его идиостиль [6].

Здесь идиостиль является производным от идиолекта: «описание идиостиля должно быть устремлено к выявлению глубинной семантической и категориальной связности его элементов, воплощающих в языке творческий путь поэта, к сущности его явной и неявной рефлексии над языком» [4, 91]. В описании выделяется не только направление «идиолект – идиостиль», имеющее свою систему правил перехода, но и направления «текст – идиолект» и «язык – идиолект». Более раннее – «классическое» – направление трактует «идиостиль» как гипоним, обозначающий индивидуальность *творческой* языковой личности – художника слова, «идиолект» – как гипероним, характеризующий *любого* носителя языка.

В связи с подобным разграничением исследование идиостиля стало, в основном, прерогативой лингвопоэтики, с преобладанием функционального направления, широко представленного в русской лингвистической науке именами В.В. Виноградова, М.М. Бахтина, Р.О. Якобсона, Б.М. Эйхенбаума, В.М. Жирмунского: «за широким диапазоном речевых перевоплощений творческой индивидуальности всегда можно усмотреть структурообразующий стержень творчества, в чем видится характерная черта поэтической традиции ее представителей, дорожащих своей индивидуальностью» [18, 89]. Указанный структурообразующий стержень, доминанта, является «фактором текста и характеристикой стиля, изменяющей обычные функциональные отношения между элементами и единицами текста» [7, 65]. При этом предполагается, что поэтический идиолект – идиостиль – может быть описан как система связанных между собой доминант и их функциональных областей, даже при наличии «характерных для XX века семиотических игр», в результате которых «у творческой личности появляется несколько языков» [8, 23].

Возникающий в последнем случае «литературный билингвизм» (как имеет место, например, у В. Набокова или Дж. Барнса), а также феномен авторского самоперевода (С. Беккет, И. Бродский) говорят о необходимости построения более общей модели идиостиля, и здесь мы возвращаемся к проблеме языковой личности, которая должна рассматриваться во всем

многообразии ее проявлений, даже тогда, когда функциональные области действия доминант не обозначены и принципиально не могут быть обозначены. Так, произведения одного автора образуют единое языковое пространство, грани между отдельными сферами которого «не привносятся извне, а понимаются из единства, как создающие его внутренние формы» [3, 78].

В творчестве определенного автора выделяются тексты, между которыми устанавливается отношение семантической эквивалентности по разным текстовым параметрам: структуре ситуации, единству концепции, композиционных принципов, подобию звуковой и ритмико-синтаксической организации. Очевидно, что за такими текстами стоит некоторый инвариантный код смыслопорождения, вовлекающий в трансформационный комплекс единицы тематического и композиционного уровней, а также грамматические средства, определяющие смысловое развертывание текста. Этот «код иносказания» задает организацию различных типов семантической информации в текстах. Он включает в себя семантические комплексы, которые обладают разноуровневой структурой и непосредственно коррелируют с эпизодической, семантической и вербальной памятью творческого индивида. Эти личностные (инвариантные) семантические комплексы представляют собой отношение адекватности, которое возникает между различными текстовыми явлениями разных уровней в рамках определенной художественной системы. В типологическом аспекте можно выделить ситуативные, концептуальные, композиционно-функциональные и собственно операционные комплексы, которые в совокупности образуют иерархическую замкнутую систему зависимостей, порождающих авторскую модель мира – его идиостиль.

В итоге, с учетом всех описанных факторов, идиолект можно определить как совокупность текстов, порожденных в определенной хронологической последовательности в соответствии с единой развивающейся во времени комплексной языковой системой каждого говорящего [2, 103].

Идиостиль, соответственно, определяется как структура зависимостей, в своем развитии обнаруживающая индивидуальный код иносказания творческой личности, который во многом задан генетически и зависит от способа мышления данной личности. Код иносказания включает в себя:

- набор ситуаций, связанных с эпизодической и семантической памятью индивида, но подвергшихся «личной мифологизации»;
- систему концептуальных установок автора, как меняющуюся, так и не меняющуюся во времени;
- систему композиционных функций и систему операционных единиц, связанных с «памятью слова», в их комбинаторике.

Следует также учитывать как вариативность комплексной языковой системы определенного автора, так и ее внешнюю проницаемость – подверженность давлению технических, социальных, профессиональных преобразований общества, воплощенных в общенациональном языке.

Сам факт наличия терминов «идиолект» и «идиостиль» подчеркивает уникальность каждой языковой личности, индивидуальный сегмент струк-

туры которой, подобно отпечатку пальца или интонаграмме, отличает и выделяет отдельную личность из массы себе подобных.

Основными средствами реализации языковой индивидуальности является регулярная повторяемость определенных лексико-грамматических единиц и их преимущественная комбинаторика. Важность фактора частотности при исследовании идиолекта/идиостиля обусловила интерес к нему представителей лингвостатистики. Количественные методы, статистические в частности, привлекли большое внимание зарубежных и отечественных исследователей в 50-х – 70-х годах XX века. Пристальный интерес к частотности отдельных языковых единиц – поиск слов-фаворитов, «любимых» словообразовательных моделей, типов синтаксических конструкций и т.п. привел к образованию относительно самостоятельного направления – *статистической лингвистики*. Подключение новейших технологий позволило облегчить составление индивидуальных словарей, и к концу XX века в Англии были изданы, например, словари В. Шекспира, Дж. Чосера, Дж. Джойса, Дж. Милтона.

Поиск повторяющихся элементов как маркеров идиолекта привел к созданию *стилометрии*, направленной на установление авторства неатрибутированных текстов, как это имело место, например, с драмами Шекспира «Генрих VIII» и «Перикл» [23].

В последние годы в русле стилостатистики были выполнены интересные исследования школы В.В. Левицкого [14] в Черновицком университете.

В исследованиях индивидуальных авторских стилей применяется также широкий филологический подход, объединивший литературоведческий и лингвистический анализ. В качестве примеров можно привести хрестоматийно известные труды М.М. Бахтина о Достоевском, В.В. Виноградова, а также Ю. Лотмана о Пушкине, составителей «Лермонтовской энциклопедии» и др.

В 70-х годах XX века был предложен поуровневый анализ идиостиля. С его использованием были описаны стили Ст Крейна, Ск. Фитцджеральда, Дж. Хеллера, К. Воннегута, К. Маккалерс, М. Дрэбл и др. американских и британских авторов.

В начале XXI века коллектив британских ученых проделал огромную работу по атрибуции библейских «Посланий Павла» и «Откровения Иоанна» подтвердив, что индивидуальный отпечаток носит состав, частотность и комбинаторика даже дейктиков, не говоря уже об автосемантических единицах, преференциальное употребление которых «метит» речь каждой языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки./ К. Ажеж. – М.: УРСС, 2003. – 304 с.
2. Виноградов В.В. О художественной прозе./ В.В. Виноградов. – М., Л.: Госиздат, 1959. – 654с.
3. Виноградов В.В. О языке художественной прозы./ В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
4. Григорьев В.П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников./ В.П. Григорьев // Григорьев

- В.П. Будетлянин. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 57–205.
5. Дейк Т.А. ван. Язык. Понимание. Коммуникация./ Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
 6. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст./ А.К. Жолковский, Ю. К. Щеглов. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
 7. Золян С.Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля./ С.Т. Золян. // Язык русской поэзии XX в. Сб. науч. тр. – М., 1989. – С. 63–70.
 8. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка./ В.В. Иванов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1983. – 400 с.
 9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс./ В.И. Карасик. – М: Гнозис, 2004. – 390 с.
 10. Карасик В.И. Язык социального статуса./ В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
 11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность./ Ю.Н. Караулов. – 4-е изд., стереотип. – М.: УРСС, 2004. – 264 с.
 12. Кордуэлл М. Психология А–Я: Словарь-справочник / Пер. с англ. К.С. Ткаченко./ М. Кордуэлл. – М.: ФАИР-ПРЕСС, – 1999. – 448 с.
 13. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа./ В.Г. Костомаров. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 248 с.
 14. Левицкий В.В. Квантитивные методы в лингвистике./ В.В. Левицкий. – Черновцы: Рута, 2004. – 189 с.
 15. Леонтьев А.А. Речевая деятельность./ А.А. Леонтьев. // Хрестоматия по психологии. – М.: Просвещение, 1977. – С. 223–228.
 16. Лурия А.Р. Язык и сознание./ А.Р. Лурия. – Ростов на Дону: Феникс, 1998. – 414 с.
 17. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений./ В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
 18. Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. / Ред.: Х. Баран, С.И. Гиндин и др. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – 920 с.
 19. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность./ А.М. Шахнарович. // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: Сб. ст. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1995 – С. 213–223.
 20. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность./ Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
 21. Язык и личность: Сб. науч. ст. / Под. ред. Д.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1989. – 212 с.
 22. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. / Под ред. В.Н. Ярцевой – 2-е изд. – М.: Больш. Рос. Энциклопедия, – 2000. – 688с.
 23. Morton A. Literary Detection; How to Prove Authorship and Fraud in Literature Documents./ A. Morton. – L.: Bowker, 1978. – 292 p.

Стаття надійшла до редакції 3.04.2013 р.